

УДК: 7.038.54(470–25)
DOI: 10.37953/3033-7615-2026-2-1-339-349
EDN: POWHDK
<https://elibrary.ru/powhdk>

ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ КАК МОТИВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУППЫ «КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ»

Даниил В. Артамонов

Национальный исследовательский технологический университет
«МИСИС», Москва, Россия, R1Artamonov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается феномен внутренней эмиграции как один из мотивов деятельности группы «Коллективные действия» и, более широко, московской концептуальной школы. На основе анализа акций группы, а также текстов и воспоминаний Илья Кабакова, Андрея Монастырского, Виктора Агамова-Тупицына и Эдуарда Лимонова показывается, как пространственная удаленность акций формирует особое топологическое измерение их художественной практики. Понятие «внутренней эмиграции» соотносится с практиками московских концептуалистов, в которых мотив бегства от подавляющей системы и попытки «спрятаться» от реальности проявляется в широком спектре художественных стратегий. Делается вывод о том, что внутреннюю эмиграцию в данном контексте можно рассматривать как форму коллективной художественной самоорганизации.

Ключевые слова: внутренняя эмиграция, московский концептуализм, группа «Коллективные действия», неофициальное искусство, акционизм, позднесоветская культура

Для цитирования: Артамонов Д.В. Внутренняя эмиграция как мотив деятельности группы «Коллективные действия» // Academia. 2026. №2. С. 339–349.
DOI: 10.37953/3033-7615-2026-2-1-339-349

INTERNAL EMIGRATION AS A MOTIF IN THE PRACTICE OF THE COLLECTIVE ACTIONS GROUP

Daniil V. Artamonov

National University of Science and Technology MISIS,
Moscow, Russia, R1Artamonov@gmail.com

Abstract

The article examines the phenomenon of internal emigration as one of the central motifs in the activities of the Collective Actions group and, more broadly, in the Moscow Conceptualist school. Drawing on an analysis of the group's actions, as well as the writings and memoirs of Ilya Kabakov, Andrei Monastyrsky, Viktor Agamov-Tupitsyn, and Eduard Limonov, the study demonstrates how the spatial distance of these actions creates a distinctive topological dimension of their artistic practice. The concept of internal emigration is related to the practices of Moscow conceptualists, in which the impulse to escape an oppressive system and the attempt to “hide” from reality are manifested through a wide range of artistic strategies. The article concludes that, in this context, internal emigration may be understood as a form of collective artistic self-organization.

Keywords: Internal emigration, Moscow Conceptualism, Collective Actions group, unofficial art, actionism; late Soviet culture

For citation: Artamonov, D.V. (2026), "Internal emigration as a motif in the practice of the Collective Actions group", Academia, 2026, no 2, pp. 339–349. DOI: 10.37953/3033-7615-2026-2-1-339-349

Введение

«Коллективные действия» (далее КД) — советская художественная группа, сформировавшаяся в 1977 году. Пик активности КД пришелся на период 1977–1985 годов. Ядром объединения были Андрей Монастырский (лидер группы), Игорь Макаревич, Елена Елагина, Георгий Кизевальтер, Николай Панитков, Андрей Абрамов, Никита Алексеев, Андрей Ромашко. В разное время в акциях группы принимали участие Илья Кабаков, Павел Пепперштейн, Виктор Пивоваров и другие члены московского круга неофициального искусства [Сущек 2015, с. 30]. Основным жанром КД являлся перформанс. Акции группы фиксировались на фото- и видео-носители, реквизит акций сохранялся. Материалы акций КД описаны в семитомном сборнике «Поездки за город». Название сборника неслучайно: акции группы проводились в основном в загородном пространстве.

В гуманитарных науках феномен «внутренней эмиграции» обычно описывается как особая стратегия поведения интеллигенции в условиях авторитарного или тоталитарного режима: оставаясь внутри страны, человек или группа дистанцируются от официальной идеологии, выстраивая собственное духовное и культурное пространство. Это понятие активно разрабатывается в исторических, социологических и литературоведческих работах, однако практически не используется при анализе советского неофициального искусства и, в частности, московского концептуализма. Настоящая статья стремится восполнить этот пробел, предлагая рассматривать практики группы «Коллективные действия» через призму внутренней эмиграции. Мы исходим из тезиса, что выбор загородного пространства, адресованность акций узкому кругу приглашенных участников и выстраивание отдельной андеграундной инфраструктуры образуют специфическую форму коллективной внутренней эмиграции позднесоветского художественного сообщества. Такой подход позволяет по-новому объяснить «удаленность» акций КД от массового зрителя и уточнить место московского концептуального круга в истории советской культуры.

Цель данной работы — показать, как феномен внутренней эмиграции проявляется в художественной практике группы «Коллективные действия» и, более широко, в московском концептуализме. Основные задачи: охарактеризовать историко-культурный контекст формирования московского концептуализма и группы «Коллективные действия» в позднесоветский период; проанализировать пространственные и временные параметры акций группы «Коллективные действия» в связи с мотивом внутренней эмиграции; выявить, как мотив бегства и укрытия от реальности проявляется в акциях КД и в произведениях московских концептуалистов.

Научная новизна работы состоит в том, что практики группы «Коллективные действия» интерпретируются через категорию внутренней эмиграции, которая ранее не применялась к анализу московского концептуализма. Такая оптика позволяет рассматривать группу не только как художественное объединение, но и как форму коллективной стратегии дистанцирования от позднесоветской власти и официальной культуры, уточняя тем самым место московского концептуального круга в структуре советского неофициального искусства. Исследование опирается на корпус воспоминаний художников и деятелей культуры того периода (Андрея Монастырского, Виктора Агамова-Тупицына, Ильи Кабакова, Эдуарда Лимонова и др.), что дает возможность объединить теоретическое осмысление феномена внутренней эмиграции с анализом конкретных художественных практик.

Внутренняя эмиграция

Понятие «внутренней эмиграции» появилось во Франции в первой трети XIX века применительно к сторонникам Бурбонской монархии, свергнутой во время Июльской революции. Золотая молодежь аристократических родов продолжала вести светскую жизнь, противопоставляя себя новым либерально-буржуазным ценностям [Бессмертная 2023].

Таким образом, под внутренней эмиграцией мы понимаем духовное и политическое отчуждение человека от своей страны, выражающееся в пассивном отказе от участия в общественной жизни при сохранении физического проживания на ее территории [Kholmatov 2022, с. 699]. Это состояние характеризуется внутренним несогласием с государственной идеологией или политикой и невозможностью или нежеланием выражать протест, что ведет к уходу в себя и «параллельной» жизни.

Как показывает В.А. Аксенов на примере анализа травматических событий российской истории XIX–XX веков, интеллигенции свойственны две стратегии психологической борьбы с травмой: стыд и внутренняя эмиграция. Автор отмечает, что существование нравственной и культурно-развитой личности в авторитарном государстве приводит ее к когнитивному диссонансу, моральным переживаниям и, как следствие, попыткам преодолеть травму через описанные выше стратегии и поиски новых смыслов через творческую деятельность [Аксенов 2023, с. 197].

Анализируя парадигмы поведения советской интеллигенции в ее конфронтации с советской властью, Сергей Красильников, опираясь на типологию Н.Е. Покровского, выделяет шесть стратегий сосуществования интеллигенции и власти: эмиграцию, внутреннюю эмиграцию, попытки сохранить независимость при попутном сотрудничестве с властью, умеренное сотрудничество, сервиллизм и диссидентство [Красильников 1998, с. 85]. В этой схеме внутренняя эмиграция относится к числу наиболее жестких стратегий дистанцирования: более последовательное отрицание власти фактически проявляется лишь в открытой эмиграции и в диссидентстве. В этом смысле внутреннюю эмиграцию можно рассматривать как пограничную тактику между эмиграцией и диссидентством — форму скрытого несогласия, сочетающую внутренний разрыв с системой с внешним нахождением в ее пределах.

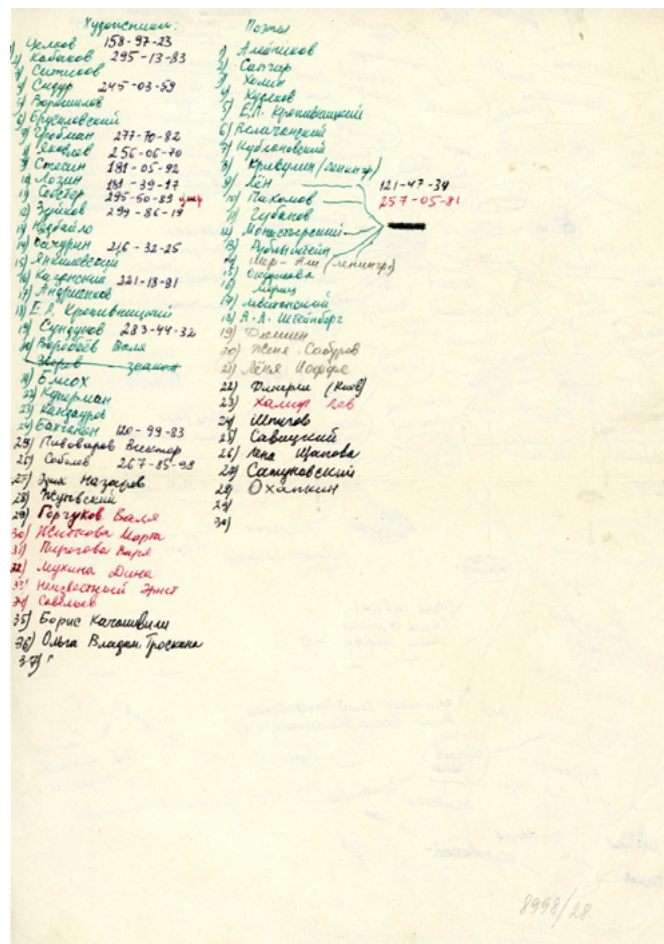
Нонконформисты как система

Мы можем говорить, с одной стороны, о разнородности московского андеграундного круга, а с другой — о наличии прочных связей внутри данного сообщества. Как пишет А.К. Флорковская: «Подпольное искусство почти за два десятилетия своего существования создало альтернативную структуру: выставки, салоны, коллекционеры. К началу 1970-х годов неофициальная культура была уже настолько структурированным явлением, что смогла создать негосударственный «Музей современного независимого искусства»: в начале 1970-х годов такой неофициальный статус приобрела коллекция Александра Глезера» [Флорковская 2016, с. 241]. Необходимо отметить, что советское неофициальное сообщество состояло из множества групп со своими творческими поисками. Иногда их интересы пересекались, а иногда они были настроены друг ко другу критически. Однако всех их связывал статус людей, не вписывающихся в господствующую культурную парадигму [Бобринская 2012, с. 50].

Вспомним карту неофициальной Москвы, составленную Эдуардом Лимоновым (ил. 1, 2). Эта карта показывает топографию связей внутри московского концептуализма. Свою карту советского андеграунда — «Тело московского неофициального искусства» — составил и Виктор Пивоваров (ил. 3). Эдуард Лимонов в свойственной ему критической манере описывал групповую динамику советских неофициальных художников в «Москва майская» следующим образом:

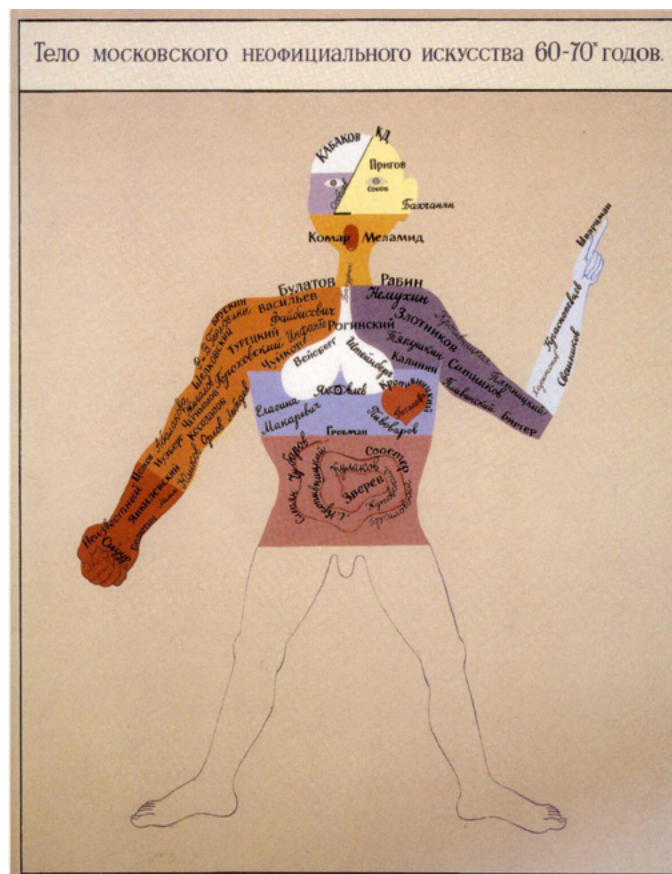
Ил. 1. Эдуард Лимонов. Схема знакомств. Список художников и поэтов. 1973. Бумага, цветные шариковые ручки. Музей современного искусства «Гараж», Архив альтернативной культуры позднесоветского периода, Москва. Инв. AC-IV-1-D17722.

Ил. 2. Эдуард Лимонов. Схема знакомств. Список художников и поэтов (фрагмент). 1973. Бумага, цветные шариковые ручки. Музей современного искусства «Гараж», Архив альтернативной культуры позднесоветского периода, Москва. Инв. AC-IV-1-D17722.

«Вокруг „деда“ Кропивницкого заработали кистями молодые люди: его дочь и сын, друг детей Оскар Рабин и еще несколько молодых людей, впоследствии названных Лианозовской школой. Подражали они именно экспрессионизму учителя. Экспрессионизм, несомненно, был ближе русским юношам пятидесятых и шестидесятых годов, чем какое бы то ни было другое направление в живописи. Быть может, потому что давал возможность выплеснуть на холст русские их страсти? О, разумеется, в Москве конца шестидесятых можно было найти представителей какой угодно школы. Неосюрреалисты? Пожалуйста. Брусиловский, эстонец Юло Соостер, Володя Янкилевский, Юра Соболев. Поп-артисты? (Позднее они стали именовать себя более современно — „концептуалисты“). Загляните в мастерскую к Илье Кабакову на Сретенке, или спуститесь к Чистым прудам в мастерскую Эрика Булатова, или зайдите в подвал к Вите Пивоварову. Однако бородатых, разнузданно-страстных экспрессионистов все же было куда больше. <...> Как и полагается, художественные течения враждовали. И враждовали между собой представители одного и того же течения. Вся эта орава — сотни художников, плюс многие сотни поэтов и куда меньшее количество прозаиков, плюс толпа обожателей (на западной стороне глобуса они назывались бы „группы“) образовывали контркультуру, связанную, однако, с официальной культурой множеством нитей» [Лимонов 2025, с. 104–105].

Виктор Агамов-Тупицын вспоминал акцию КД 1989 года, в рамках которой прослушивалась запись голосов Владимира Рыклина и Андрея Монастырского в узком кругу посвященных: «Для ознакомления с записью этого речевого соревнования мы собрались у одного из общих знакомых, скорее всего у Рыклина. Из присутствовавших, помимо Анны Альчук, помню Павла Пепперштейна,

Ил. 3. Виктор Пивоваров. Тело московского неофициального искусства 60–70-х гг. 1998. Бумага, тушь, цветной карандаш. Музей AZ, Москва.

Сергея Ануфриева, Николая Паниткова, Владимира Сорокина, Иосифа Бакштейна и Игоря Макаревича с Еленой Елагиной. Возможно, кого-то из них там не было: память — понятие растяжимое» [Агамов-Тупицын 2019, с. 26].

В интервью Саше Обуховой Георгий Кизевальтер так говорил про взаимосвязанность советского подпольного круга: «По возвращении в Москву мы постепенно стали встречаться все чаще и чаще, и круг моих знакомств разрастался. Я стал ходить по мастерским, хотя, по правде говоря, „мастерские“ чаще всего помещались прямо в квартирах, а то и в комнате в коммуналке. Мы все время общались: вот мы у Наховой с Монастырским, а потом едем к Никите Алексееву в Ховрино, потом какая-нибудь выставка квартирная. Могли выпить вина, отправиться на вокзал и уехать в Питер знакомиться с местными художниками. Это было очень насыщенное время, постоянно что-то происходило, и велись активные разговоры вокруг текущих событий — квартирных выставок, акций группы „Гнездо“...» [Кизевальтер 2016, с. 28].

Тенденцию избирательности и направленности на свое сообщество в среде московского неофициального искусства подчеркивает и исследователь акционизма Алек Д. Эпштейн. Как отмечает ученый, выход акционизма во внешнюю среду произошел только в 1990 году с проведением акций «От клетки к клетке» Фариды Богдалова и Георгия Литического и акции «2.20» группы «Э.Т. И.» [Эпштейн 2018, с. 222–223]. Однако было бы неверно говорить о полной закрытости круга советских андеграундных художников. Публичные выставки неофициального искусства проходили в Измайлово (29 сентября 1974 года), в павильоне «Пчеловодство» на ВДНХ (19–22 февраля 1975 года), с середины 1970-х годов стали появляться квартирные салоны [Флорковская 2016, с. 243–244]. Выставочный зал Московского комитета художников-графиков стал постоянной площадкой для многих художников-нонконформистов, являясь одновременно и экспозиционной площадкой, и своего рода профсоюзом для неофициальных художников [Флорковская 2017, с. 181–182], хотя многие художники имели «официальную»

работу — например, Виктор Пивоваров, Эрик Булатов и Илья Кабаков оформляли детские книги.

Внутренняя эмиграция у неконформистов

Е.А. Бобринская пишет, что феномены отверженности [Бобринская 2012, с. 18–19] и бегства от реальности [Бобринская 2012, с. 66] в целом свойственны модернистской культуре. Исследовательница подчеркивает, что сама форма божественного существования заставляет людей находиться по ту сторону общепринятой нормы [Бобринская 2012, с. 26–27].

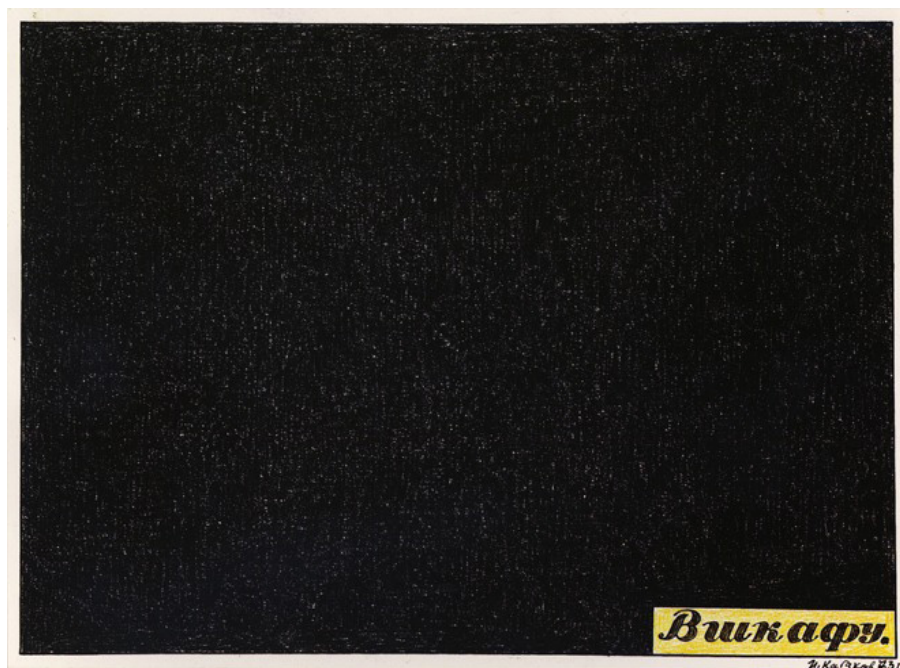
Бегство от реальности заметно во многих произведениях членов московского концептуального круга. Так, у Ильи Кабакова тотальная инсталляция «Человек, который улетел в космос из своей комнаты» (1982) (ил. 4) представляет собой метафору радикального бегства от реальности: лирический герой, создавая специальное приспособление для полета в космос через пробитие собой потолка, символически преодолевает физические и идеологические границы советского быта. По нашему мнению, Кабаков выбирает для своего героя наиболее радикальный способ спастись от действительности, подчеркивая таким образом вездесущность окружающей системы.

В то же время герой Вшкафусидящий Примаков (ил. 5) альбомной серии «Десять персонажей» демонстрирует другую грань стратегии внутренней эмиграции — попытку спрятаться, укрыться от внешнего мира, не порывая с ним физически. Практически все герои альбомной серии Кабакова так или иначе реализуют стратегию внутренней эмиграции: как отмечают исследователи, они хотят «убежать, спрятаться от своей жизни» [Лазебникова 2009, с. 171]. Интересно, что сама форма андеграундного существования стала причиной появления жанра альбома у московских концептуалистов [Саркисян 2012, с. 208].

По нашему мнению, мотив бегства от подавляющей системы можно рассматривать как одну из важных тем внутри московского круга концептуалистов. При этом внутреннее несогласие с господствующим порядком переплеталось с частичным и избирательным институциональным признанием со стороны официальных культурных структур, подталкивая художников к созданию

Ил. 4. Илья Кабаков. Человек, улетевший в космос из своей комнаты. 1985. Инсталляция, смешанная техника. Центр Помпиду, Париж.

Ил. 5. Илья Кабаков. В шкафу. Из альбома «Вшкафусидящий Примаков». 1973. Бумага, авторская техника. Частное собрание.

собственных «территорий искусства» — квартирных выставок, загородных акций, замкнутых кругов общения [Приходько 2017, с. 164–165].

Е.А. Бобринская описывает «желание вырваться за жесткие рамки» [Бобринская 2012, с. 65] как один из важных мотивов советской неофициальной культуры. Как отмечает исследовательница, если для неофициальных шестидесятников андеграундность была скорее экзистенциальной категорией, то для концептуалистов, представителей 1970-х, нахождение вне системы дало возможность исследовать советскую культуру со стороны [Бобринская 2012, с. 26–27]. Мироощущение советских концептуалистов Андрей Монастырский описывал выражением «Ливингстон в Африке» [Бобринская 2012, с. 49] — они воспринимали себя «агентами» мирового искусства, исследователями, которых забросили в культурную «Африку» (советскую среду) к «диким племенам».

Внутренняя эмиграция как мотив в творчестве КД

О неприятии советской действительности в акциях КД пишет Г.В. Суцек: исследовательница подчеркивает аспект критики советских обычаев и устоев в деятельности группы [Суцек 2015, с. 33–34]. Критика советских мифологем — частый мотив в творчестве советского андеграунда. Примером может служить деконструкция советских мифов в импровизационных диалогах между Ильей Кабаковым, Иосифом Бакштейном и Михаилом Эпштейном — «Триалогах» [Артамонов 2025, с. 47–48]. Практика такой деконструкции проводилась также в закрытом кругу, на бумаге.

Тем не менее было бы неправильно утверждать, что акции группы «Коллективные действия» носили в первую очередь антиидеологический заряд. Их концептуалистская установка была направлена на рефлексии над самими условиями восприятия искусства, границами между событием и его интерпретацией, между внешним действием и внутренним переживанием. На Монастырского и КД оказали влияние буддизм, а именно дзен-буддизм, как его понимали в советской неофициальной среде [Корчагин 2022, с. 69], а также религиозный мистицизм [Корчагин 2022, с. 65]. Отсюда интерес к явлению пустоты и одно из основных понятий группы — «пустое действие». В словаре московского концептуализма оно описано как «внедемонстрационный элемент текста (в акциях КД часто „внедемонстрационное — для зрителей — время происходящего, которое

является драматическим центром действия“)» [Словарь терминов 1999]. «Пустое действие» можно охарактеризовать как ситуацию, в которой механизм интерпретации зрителя временно выходит из привычного русла: участники акции оказываются вовлеченными в непрерывный поиск смысла происходящего, однако в определенный момент обнаруживают, что их усилия по расшифровке события не приводят к фиксированному значению. Это состояние «напряженного непонимания» или осознания ошибочности собственных интерпретаций смещает фокус восприятия с внешнего события к внутреннему процессу осмысления [Корчагин 2022, с. 68].

В серии лекций по истории неофициального отечественного искусства XX века Саша Обухова ссылается на еще одно важное для Монастырского понятие — «позитивного непонимания» [Обухова 2007, 28:24] — то есть состояние, когда произведение искусства остается неоднозначным для зрителя, что создает условия для его множественной интерпретации. Ссылаясь на Андрея Монастырского, исследовательница подчеркивает, что, по словам художника, ему интересны те работы, которые остаются не до конца однозначными — отсюда и позитивная оценка такого непонимания [Обухова 2007, 45:54]. В целом, как отмечает автор, в среде московского концептуализма считалась удачной не та работа, которая сразу была ясна зрителю, а та что несла в себе множественность смыслов и интерпретаций.

В действиях КД, помимо сценариев, важную роль играет сам процесс пути, который создает пространство дополнительного концептуального измерения акции. Андрей Монастырский выделял следующие три основных этапа в структуре акций группы: «„Глобальная“ структура подразделяется на три части: события, фактография и интерпретация. <...> Иногда только интерпретация, т. к. фактография может иметь место и в ежедневной газете под рубрикой „происшествия“ и т. п.» [Агамов-Тупицын 2019, с. 13]. Предложенная Монастырским триада подчеркивает внутреннюю ориентированность группы: не имея возможности обратиться со своими акциями к широкому зрителю, участники КД адресуют их прежде всего внутренней интерпретации собственного круга.

Илья Кабаков писал о поездках на акции КД: «И, конечно, еще одно, самое важное. Я был впервые в жизни у „своих“, мы имели свой мир, параллельный миру реальному, и этот мир был создан и сжат КД до полной вещественности, можно сказать, осязательности, если это понятие вообще применимо к чему-то абсолютно воздушному и неуловимому» [Агамов-Тупицын 2019, с. 24]. Андрей Монастырский также подчеркивал важную роль времени, проведенного в поездке на акцию: «Кстати, то, что мы делаем наши акции за городом, также имеет формообразующий смысл. „Путешествие“ зрителей до места события вводится для того, чтобы редуцировать их коллективно-урбанистическую психологию, настрой, ибо эмоциональная преднастроенность — вещь крайне важная. Иначе — произвол и необязательность. Словом, это и есть „предварительное время“ акции (путь)» [Агамов-Тупицын 2019, с. 13].

В статье «„Коллективные действия“ как институция» Екатерина Бобринская рассматривает практику КД как особый способ институционализации, основанной не на внешних структурах, а на легализации внутренних, ментальных механизмов восприятия искусства. Автор показывает, как через регулярные «поездки за город» группа создавала не просто перформативные события, но особое «поле сознания» — пространство, в котором физическое перемещение из города в загородную зону становилось триггером для внутренней миграции участников [Бобринская 1999], которая проявлялась в переходе сознания из привычной, регламентированной советской повседневности в иное ментальное состояние, структурируемое через категорию «пустого действия» и созерцания извне. Сама поездка выступала ритуалом перехода: покидая городское пространство с его плотной идеологической тканью, участники акций попадали в поле, где отсутствие события и минимизация внешней активности провоцировали смещение внимания внутрь — к процессам восприятия, интерпретации

и осмысления. Бобринская подчеркивает, что предметом изображения в акциях КД становилось не внешнее действие, а сам опыт созерцания.

О.Р. Саркисян в статье «Значение Киевогорского поля в практиках группы „Коллективные действия“» демонстрирует, что загородное пространство акций КД функционировало как особый диспозитив, трансформирующий реальное поле в «поле сознания». В условиях тотального контроля, когда все пространство страны становилось «экспозиционным полем» власти, выбор периферийного ландшафта — Киевогорского поля — позволял участникам акций временно выйти из плотной идеологической ткани городской среды. При этом само поле, по наблюдению Саркисян, как бы утрачивало свою реальность через процедуру «пустого действия», превращаясь в пространство созерцания, где эстетическое событие разворачивалось не во внешнем мире, а «внутри освобождающегося сознания» участников [Саркисян 2012, с. 210–212]. Механика внутреннего смещения внимания от внешнего объекта к процессу восприятия может рассматриваться как одна из форм реализации внутренней эмиграции: создание временного ментального убежища через коллективный ритуал. Важно, что, как отмечает Саркисян, Киевогорское поле было свободно от диссидентского протеста квартирных выставок. Медиум поля выступал чистым листом, позволяя создать уникальные условия для эстетического переживания. Это пространство не претендовало на сакральность или универсальность, но именно благодаря своей смысловой пустотности обеспечивало возможность формирования особого переживания [Саркисян 2012, с. 212–213].

Заключение

Феномен внутренней эмиграции предоставляет продуктивную аналитическую оптику для осмысления практик группы «Коллективные действия» и московского концептуализма в целом. Выбор загородного пространства как места проведения акций, ритуализация пути к месту события, адресация практик узкому кругу «своих» — все эти элементы формируют особую топологию внутренней миграции, в которой физическое перемещение становится триггером для перехода сознания в иное ментальное состояние.

Стратегия внутренней эмиграции у московских концептуалистов не сводилась к пассивному уходу от реальности. Напротив, она выступала как активная форма коллективной самоорганизации, позволявшая создать автономное культурное пространство в условиях ограниченного институционального признания. При этом данное пространство сохраняло избирательную проницаемость: оно не было абсолютно закрытым, но функционировало как параллельная система координат, сосуществовавшая с официальной культурой.

Перспективы дальнейших исследований видятся нам в сравнительном анализе внутренней эмиграции в других сегментах советского и постсоветского неофициального искусства, в сопоставлении московского концептуализма с аналогичными «внутренне эмигрантскими» практиками в других национальных контекстах, а также в более детальном изучении повседневных форм жизни и коммуникации внутри художественных общин. Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, каким образом внутренняя направленность и ограниченная публичность акций КД соотносятся с появлением и развитием публичного акционизма 1990–х годов.

Литература

1. Агамов-Тупицын 2019 — Агамов-Тупицын В.Г. Вечность вечна, потому что беспечна. Андрей Монастырский и группа «Коллективные действия». М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019. 184 с.
2. Аксенов 2023 — Аксенов В.Б. От стыда к внутренней эмиграции: эмоциональные реакции российского общества на государственное насилие в годы войн и революций

- (XIX — начало XX века) // Новое литературное обозрение. 2023. № 6. С. 182–200.
3. Артамонов 2025 — Артамонов Д.В. Мифологизация как художественная стратегия в творчестве В. Комара и А. Меламида // Наука. Искусство. Культура. 2025. С. 45–52.
 4. Бессмертная 2023 — Бессмертная М. Взаперти. От французских революционеров до Отто Дикса — краткая история внутренней эмиграции // Blueprint. 12 апреля 2023. URL: https://theblueprint.ru/culture/history/emigracia-independence-issue?utm_source=chatgpt.com%22%20%5Ct%20%22_new (дата обращения: 20.06.2026).
 5. Бобринская 1999 — Бобринская Е. «Коллективные действия» как институция // Художественный журнал. Выпуск № 23. 1999. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/74/article/1600> (дата обращения: 21.06.2026).
 6. Бобринская 2012 — Бобринская Е. Чужие? Том 1. Неофициальное искусство. Мифы. Стратегии. Концепции. М.: Breus, 2012. 496 с.
 7. Кизевальтер 2016 — Кизевальтер Г.Д. Инсайдер. М., 2016. 384 с.
 8. Корчагин 2022 — К. Корчагин. Между дзеном и концептуализмом. «Коллективные действия» на рубеже 1970-х — 1980-х годов // Искусствознание. 2022. № 3. С. 62–91.
 9. Красильников 1998 — Красильников С.А. Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 8. С. 81–85.
 10. Лазебникова 2009 — Лазебникова И.В. Концептуальные альбомы 1970-х годов: Илья Кабаков и Виктор Пивоваров // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №. 22. С. 170–177.
 11. Лимонов 2025 — Лимонов Э.В. Москва майская. М.: Альпина.Проза, 2025. 414 с.
 12. Обухова 2007 — Обухова А. Онлайн-лекция «Художники-интеллектуалы. Андрей Монастырский и Никита Алексеев» URL: https://vkvideo.ru/video-9325174_456240375?t=1h2m48s (дата обращения: 21.06.2026).
 13. Приходько 2017 — Приходько Н.А. О некоторых специфических практиках московского концептуализма: точки соприкосновения искусства и жизни // Культура и искусство. 2017. № 3. С. 163–175.
 14. Саркисян 2012 — Саркисян О.Р. Значение Киевогорского поля в практиках группы «Коллективные действия» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2012. №. 11 (91). С. 206–214.
 15. Словарь терминов 1999 — Словарь терминов московской концептуальной школы // ImWerden. 1999. URL: https://imwerden.de/pdf/slovar_terminov_moskovskoj_kontseptualnoj_shkoly_1999__ocr.pdf (дата обращения: 08.02.2026).
 16. Сущек 2015 — Сущек Г.В. Акции группы «Коллективные действия» как стратегия критики советского дискурса // Материалы научной конференции (Пермь). 2015. С. 29–37.
 17. Флорковская 2016 — Флорковская А.К. Неофициальное искусство 1970-х: возникновение живописной секции московского горкома графиков // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1. № 2. С. 240–247.
 18. Флорковская 2017 — Флорковская А.К. Секция живописи горкома графиков как пример художественного сообщества позднесоветского времени (1976–1988) // Манускрипт. 2017. № 5 (79). С. 181–184.
 19. Эпштейн 2018 — Эпштейн А.Д. Арт-активизм третьего срока Путина. Наследники московского концептуализма и соц-арта в XXI веке // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 1 (117). С. 219–237.
 20. Kholmatov 2022 — Kholmatov T. I am suffocating and starving without interior life: Stepan Veselovsky's ethical principles while in inner emigration // Quaestio Rossica. 2022. Vol. 10. № 2. P. 697–708.

References

1. Agamov-Tupitsyn, V.G. (2019), *Vechnost' vechna, potomu chto bespechna. Andrei Monastyrsky i grupa "Kollektivnye deistviya"* [Eternity is eternal because it is carefree: Andrei Monastyrsky and the Collective Actions group], Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh", Moscow, Russia.
2. Aksenov, V.B. (2023), "Ot styda k vnutrenney emigratsii: emotsional'nye reaktsii rossiiskogo obshchestva na gosudarstvennoe nasilie v gody voin i revolyutsii (XIX — nachalo XX veka)" ["From shame to internal emigration: emotional responses of Russian society to state violence during wars and revolutions (19th — early 20th century)"], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 6, pp. 182–200.
3. Artamonov, D.V. (2025), "Mifologizatsiya kak khudozhestvennaya strategiya v tvorchestve V. Komara i A. Melamida" ["Mythologization as an artistic strategy in the work of V. Komar and A. Melamid"], *Nauka. Iskustvo. Kul'tura*, pp. 45–52.

4. Bessmertnaya, M. (2023), "Vzaperti. Ot frantsuzskikh revoliutsionerov do Otto Diksa — kratkaia istoriia vnutrennei emigratsii" ["Locked in: from French revolutionaries to Otto Dix: a brief history of internal emigration"], *Blueprint*, 12 April 2023, URL: https://theblueprint.ru/culture/history/emigracia-independence-issue?utm_source=chatgpt.com%22%20%5Ct%20%22_new (accessed 20 June 2026).
5. Bobrinskaya, E. (1999), "'Kollektivnye deistviya' kak institutsiya" ["'Collective Actions' as an institution"], *Khudozhestvennyi zhurnal*, 1999, no. 23, URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/74/article/1600> (accessed 21 June 2026).
6. Bobrinskaya, E. (2012), *Chuzhie? Tom 1. Neofitsial'noe iskusstvo. Mify. Strategii. Kontseptsii* [Strangers? Vol. 1. Unofficial art. Myths. Strategies. Concepts], Breus, Moscow, Russia.
7. Epshtein, A.D. (2018), "Art-aktivizm tret'ego sroka Putina. Nasledniki moskovskogo kontseptualizma i sots-arta v XXI veke" ["Art activism during Putin's third term: the heirs of Moscow Conceptualism and Sots Art in the 21st century"], *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, no 1 (117), pp. 219–237.
8. Florkovskaya, A.K. (2016), "Neofitsial'noe iskusstvo 1970-kh: vzniknovenie zhivopisnoi sektsii moskovskogo gorkoma grafikov" ["Unofficial art of the 1970s: the emergence of the painting section of the Moscow City Committee of Graphic Artists"], *Observatoriya kul'tury*, vol. 1, no 2, pp. 240–247.
9. Florkovskaya, A.K. (2017), "Sektzia zhivopisi gorkoma grafikov kak primer khudozhestvennogo soobshchestva pozdnesovetskogo vremeni (1976–1988)" ["The painting section of the City Committee of Graphic Artists as an example of an artistic community in the late Soviet period (1976–1988)"], *Manuskript*, no 5 (79), pp. 181–184.
10. Kizevalter, G.D. (2016), *Insider* [Insider], Moscow, Russia.
11. Kholmatov, T. (2022), "I am suffocating and starving without interior life: Stepan Veselovsky's
12. Korchagin, K. (2022), "Mezhdu dzenom i kontseptualizmom. 'Kollektivnye deistviya' na rubezhe 1970–1980 godov" ["Between Zen and Conceptualism: 'Collective Actions' at the turn of the 1970s – 1980s"], *Iskusstvoznanie*, no 3, pp. 62–91.
13. Krasilnikov, S.A. (1998), "Fenomen i priroda konformizma rossiiskoi intelligentsii v XX veke" ["The phenomenon and nature of conformism of the Russian intelligentsia in the 20th century"], *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no 8, pp. 81–85.
14. Lazebnikova, I.V. (2009), "Kontseptual'nye al'bomy 1970-kh godov: Ilya Kabakov i Viktor Pivovarov" ["Conceptual albums of the 1970s: Ilya Kabakov and Viktor Pivovarov"], *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 22, pp. 170–177.
15. Limonov, E.V. (2025), *Moskva maiskaya* [May in Moscow]. Al'pina.Proza, Moscow, Russia.
16. Obukhova, A. (2007), *Onlain-lektsiya "Khudozhniki-intellektualy. Andrei Monastyrskii i Nikita Alekseev"* [Online lecture "Intellectual artists: Andrei Monastyrskii and Nikita Alekseev"], URL: https://vkvideo.ru/video-9325174_456240375?t=1h2m48s (accessed 21 June 2026).
17. Prikhodko, N.A. (2017), "O nekotorykh spetsificheskikh praktikakh moskovskogo kontseptualizma: tochki soprikosnoveniya iskusstva i zhizni" ["On certain specific practices of Moscow Conceptualism: points of contact between art and life"], *Kul'tura i iskusstvo*, no 3, pp. 163–175.
18. Sarkisyan, O.R. (2012), "Znachenie Kievogorskogo polya v praktikakh gruppy 'Kollektivnye deistviya'" ["The significance of the Kievogorskoye field in the practices of the Collective Actions group"], *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie"*, no. 11 (91), pp. 206–214.
19. "Slovar' terminov moskovskoi kontseptual'noi shkoly" ["Dictionary of terms of the Moscow Conceptual School"], *ImWerden*, 1999, URL: https://imwerden.de/pdf/slovar_terminov_moskovskoj_kontseptualnoj_shkoly_1999__ocr.pdf (accessed 08 February 2026).
20. Sushchek, G.V. (2015), "Aktzii gruppy 'Kollektivnye deistviya' kak strategiya kritiki sovetskogo diskursa" ["Activities of the Collective Actions group as a strategy for critiquing Soviet discourse"], *Materialy nauchnoi konferentsii (Perm)*, pp. 29–37.

Информация об авторе

Даниил В. Артамонов, магистрант, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия; 119049, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 4; R1Artamonov@gmail.com

Author Info

Daniil V. Artamonov, master's student, National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russia; 4 Leninsky Prospekt, 119049 Moscow, Russia; R1Artamonov@gmail.com